

УДК 3; 009

**СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ
В РОССИИ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ В КОНЦЕ
XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Лубский Анатолий Владимирович

Доктор философских наук, профессор
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: n_lav@mail.ru

**SOCIAL SCIENCES
IN RUSSIA:
THE INTELLECTUAL
SITUATION AT THE TURN
OF XX – XXI CENTURIES**

Lubsky Anatoly V.

Doctor of Philosophical
Sciences, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: n_lav@mail.ru

В статье интеллектуальная ситуация в социальных науках в России рассматривается в контексте публичного, лингвистического, прагматического и перформативного поворотов в социальной эпистемологии, перехода от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической, формирования нового типа методологического сознания и мультипарадигмальности научно-исследовательских практик, а также негативных тенденций и эпистемологических прорывов в развитии социальных наук на рубеже XX и XXI вв.

Ключевые слова: интеллектуальная ситуация, социальная эпистемология, публичный поворот, лингвистический поворот, прагматический поворот, перформативный поворот, концептуальное мышление, неоклассическая модель социального познания, кросс-дисциплинарные научные исследования.

In the article the intellectual situation in social sciences in Russia is considered in the context of public, linguistic, pragmatic and performatory turns in social epistemology, and in the context of conversion from monistic interpretation of social reality to pluralistic one, formation of a new type of methodological consciousness and multiparadigmality in research practices, and also in the context of negative tendencies and epistemological breakthroughs in the development of social sciences at the turn of XX – XXI centuries.

Keywords: intellectual situation, social epistemology, public turn, linguistic turn, pragmatic turn, performatory turn, conceptual thinking, neoclassical model of social knowledge, cross-disciplinary scientific research.

Интеллектуальная ситуация в социальных науках – это сочетание эпистемологических и коммуникативных условий, которые связаны с постановкой и решением научных проблем в социальном познании, направленном на получение нового научного знания о социальной реальности. Интеллектуальную ситуацию, сложившуюся в социальных науках в России в конце XX – начале XXI в., можно охарактеризовать метафорой *fin de siècle*, означающей конец одной и начало другой эпохи: краха многообещающих начинаний, но и сохранения надежды на интеллектуальные прорывы. Отдельные аспекты этой ситуации уже рассматривались в работах отечественных исследователей, в которых внимание акцентировалось в основном на теоретико-методологических тенденциях и новых идеях в развитии социальных наук в России [22, 7, 12, 18, 19, 31, 6, 33, 38, 35].

Интеллектуальная ситуация, сложившаяся в социальных науках в России на рубеже веков, во многом была обусловлена публичным поворотом, который актуализировал вопрос о значении социальных наук в обществе. В рамках этого поворота сформировался, в частности, взгляд на публичную социологию как особый интеллектуальный проект начала XXI в. [2, с. 5–14]. При этом публичная социология позиционируется, с одной стороны, как критическая социология, направленная на изучение наиболее «злободневных» вопросов социального развития в условиях глобализации, с другой стороны, как «социология для общества», или «добрая социология», стремящаяся «помочь людям в их стремлении к лучшему миру и избавлению от ощущения несчастья в той мере, в какой оно вызывается общественным характером их существования» [27]. Публичный поворот в социологии был подвергнут решительной критике со стороны ученых, которые выступили в защиту «социологии как науки» [41, с. 38–40]. В связи с этим в социальных науках сегодня можно выделить два типа интеллектуалов: деятельность одних из них разворачивается строго в научных рамках, для других этого недостаточно, преодолевая академические границы, они постоянно стремятся в публичное пространство [17, с. 204–216].

Интеллектуальная ситуация, сложившаяся в социальных науках в России в конце XX – начале XXI в., обусловлена, с одной стороны, процессами, происходящими в социальной эпистемологии в целом, с другой – теми тенденциями, которые наметились в развитии социальных наук в российском обществе в постсоветский период.

Процессы, происходящие в социальной эпистемологии в целом, во многом обусловлены поиском ответа на вопрос об отношении научного знания к социальной реальности. Специфика этого поиска заключается в том, что в современной эпистемологии он осуществля-

ется в русле критики концепции репрезентации, или теории отражения. Особую роль в критике этой теории сыграли лингвистический, прагматический и перформативный повороты в социальном познании, которые привели к радикальному пересмотру концепции репрезентации [10, с. 35–50].

Вместо теории отражения представителями лингвистического поворота была предложена орудийная теория языка, согласно которой человек видит реальность сквозь призму своего языка, а язык представляет собой огромный конструктор, из которого создаются тексты как инструменты для воздействия на других людей [30, с. 16]. В рамках радикального варианта лингвистического поворота социальность в социальном познании сводится преимущественно к языковому взаимодействию, а социальная реальность представляется прежде всего как языковая реальность [48, р. 115]. Лингвистический поворот в социальном познании привел к пониманию того, что между субъектом как интерпретатором и объектом как «жизненным миром» социальных взаимодействий существует «экран» всевозможных «языковых игр» [36, с. 5–6]. Это дало возможность по-новому осмыслить и социокультурную обусловленность языка, и его роль в научном дискурсе [21, с. 128–135].

Если лингвистический поворот в социальной эпистемологии утверждает примат языка по отношению к социальной реальности, то прагматический поворот, заключающийся в переходе к осознанию слов и идей как интеллектуальных инструментов, утверждает примат деятельности с помощью этих инструментов по отношению к знанию. В связи с этим исследователи отмечают, что «примат деятельности (контекста) по отношению к мысли (значению) – основное допущение, лежащее в основе прагматического поворота в эпистемологии и методологии социальных наук» [9, с. 49].

Одна из характеристик прагматического поворота – критическое отношение к позиции «абсолютного наблюдателя», с которой ученые выносят свои суждения. При этом исследователи отмечают, что социальное познание как «наблюдение над социальными практиками, которое осуществляет исследователь, встроено в практику его существования как исследователя» [9, с. 49–50]. Вследствие этого ученый, осуществляя познание, подчиняется практическим императивам той позиции, которую он занимает и как участник определенного научного сообщества, и как носитель определенной культуры. В этом плане социальное познание как разновидность научной и социокультурной практик становится предпосылкой акта понимания изучаемой социальной реальности как социальной практики. Поэтому изучаемая им «практика подвергается искажению уже в силу того, что она берется с опреде-

ленной «точки зрения» и что она, таким образом, преобразуется в предмет (наблюдения и анализа)» [3, с. 52]. Эта «точка зрения» представляет собой не что иное, как личностное знание ученого, вплетенное в его теоретические представления, пристрастия и убеждения [28]. Но эта «точка зрения» действительна только в контексте практики ее применения. В связи с этим в рамках прагматического поворота особое внимание уделяется практическим действиям ученых по производству знания.

Перформативный поворот в социальной эпистемологии нацелен не только на конструирование социальной реальности в процессе социального познания [43], но и на практику его применения. При этом исследователи выделяют несколько версий перформативности научного знания. В рамках слабой версии знания, приобретая онтологический статус, рассматриваются как основа социальных действий. В рамках средней версии предполагается, что научные знания могут внедряться, т.е. использоваться для осуществления социальных изменений в соответствии с рациональными проектами. В рамках сильной версии утверждается, что знание создает (или учреждает) социальную реальность. «Сильная версия, – как подчеркивают исследователи, – артикулирует практический характер познания – научным результатом является реконфигурация реальности. Реконфигурация реальности в соответствии с полученными научными результатами, в свою очередь, имеет следствием увеличение правдоподобности теорий» [10, с. 45].

Процессы, происходящие в социальной эпистемологии, обусловлены также тем, что в социальном познании сегодня сложилась достаточно противоречивая ситуация. С одной стороны, социальная реальность бросает социальным наукам вызовы сложности и неопределенности, ответы на которые требуют целостного изучения социальной реальности как сложной системы. С другой стороны, усиливающаяся специализация научно-исследовательской деятельности и растущая дисциплинарная «департаментализация» социальных наук сопровождаются фрагментаризацией научного знания. В силу этого в научно-исследовательских практиках постоянно ускользают целостность и многомерность изучаемых социальных явлений. Поэтому сегодня социальным наукам необходимы такие способы мышления и методы научно-исследовательской деятельности, которые позволили бы, с одной стороны, как отмечают исследователи, «безбоязненно смотреть в лицо сложности» [25, с. 10], с другой – преодолеть дисциплинарную односторонность социального познания и эвристическую ограниченность специализированных научно-исследовательских практик.

Эпистемологический контекст развития социальных наук характеризуется также борьбой между сциентистскими, рассудочно-социологистскими и антисциентистскими, экзистенциально-антропологистскими теориями познания [24, с. 12–15]. Рассудочно-социологистские теории стремятся элиминировать субъект социального познания и представить субъект-объектные в нем отношения во все более жестких абстракциях. В рамках рассудочно-социологистской эпистемологии господствует принцип монистической интерпретации социальной реальности. Исследователи, придерживающиеся этого принципа, признают возможность получения такого научного знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой социальной действительности, обеспечивая тем самым однозначность содержания объективно-истинного научного знания. Это порождает уверенность в возможности создания единственно верной социальной теории, доказательные аргументы которой окончательны и бесспорны.

Экзистенциально-антропологистские теории, наоборот, стремятся не только сохранить субъект социального познания, но и представить его как целостность, в единстве мышления и деятельности. В рамках экзистенциально-антропологистской эпистемологии доминирует принцип плюралистической интерпретации социальной реальности. Согласно этому принципу, социальная реальность может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (в широком смысле – научное сознание определенного сообщества).

В связи с этим современные тренды в социальном познании проявляются, во-первых, в переходе от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической; во-вторых, в формировании нового типа методологического сознания; в-третьих, в мультипарадигмальности научно-исследовательских практик.

Монистическая интерпретация социальной реальности означает: 1) признание в качестве научного только одного способа изучения этой реальности и решительное неприятие всех других способов изучения социальной реальности (принцип ригоризма); 2) утверждение о том, что только одна из конкурирующих научных теорий является истинной, а все другие – ложными, и соответственно, претензии отдельных научных сообществ на монопольное обладание научной истиной (принцип монополизма); 3) признание возможности получения объективно-истинного знания, т.е. такого научного знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой социальной действительности, обеспечивая тем самым однозначность его содержания (принцип объективизма).

Плюралистическая интерпретация социальной реальности означает: 1) утверждение о том, что социальная реальность может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (принцип многовариантности); 2) признание того, что, во-первых, по отношению к предмету социального познания можно сформулировать множество классов научно-исследовательских задач, приоритетность которых зависит от методологического выбора ученого; во-вторых, один и тот же класс научно-исследовательских задач можно решать с помощью различных методологических средств, выбор которых – прерогатива ученого; в-третьих, по отношению к определенному классу научно-исследовательских задач применяется, как правило, свой специфический способ их решения, давший в рамках определенной познавательной парадигмы, которой придерживается научное сообщество, необходимый научный результат (принцип парадигмальности); 3) требование, согласно которому любая из удачных интерпретаций социальной реальности является ограниченной и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс научного познания (принцип методологической ограниченности).

В результате перехода от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической социальные науки начинают открывать множество социальных реальностей, и движение в них идет от одной-единственной истины и одного изначально данного социального мира к процессу порождения многообразия верных и при этом конфликтующих миров как самодостаточных и внутренне согласованных социальных реальностей.

Другой тренд в социальном познании проявляется в формировании нового типа методологического сознания, который может быть описан следующими тезисами: 1) о социальной реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных научных теорий, с учетом различных социальных перспектив; 2) социальное познание, протекающее при определенных культурно-эпистемологических условиях, обусловлено стилем мышления научного сообщества, к которому принадлежит ученый, и его методологическими ориентациями; 3) социальные знания, обусловленные культурно-эпистемологическим и методологическим контекстами, имеют статус познавательных конструкций, они концептуально относительны, и их нельзя априори защитить от скептических научных возражений; 4) социальные знания как репрезентации социальной реальности не являются ее «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе когнитивный «почерк» познающего; 5) исследователь создает научную

картину социальной реальности в виде системы понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленной на место этой реальности, картина посылает такие же личные его «послания», как и сама реальность; б) ученый, создавший определенную картину социальной реальности, может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую ее сторону, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания социальное познание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает социальную действительность саму по себе в той мере, в какой она трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные картины социальной реальности, из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. В результате в методологическом сознании преодолевается «жажда объективности», свойственная сциентистским когнитивным практикам, и формируется представление о том, что социальная действительность становится социальной реальностью в соответствии с познавательным контекстом.

Основой такого сознания выступает принцип методологического плюрализма, в условиях которого представители различных научных течений и школ, отдавая предпочтение разным парадигмам научно-исследовательской деятельности, используют специфические научные тезаурусы и создают конкурирующие между собой научные теории предметного содержания. Поэтому еще один тренд в социальном познании проявляется в мультипарадигмальности научно-исследовательских практик. Этот тренд подкупает когнитивными возможностями, и поэтому сосуществование и конкуренция различных парадигм являются необходимым условием нормального развития социальных наук. Однако на практике мультипарадигмальность зачастую сопровождается методологическим «сепаратизмом» и превращением социальных наук в своего рода «отдельные столики», сидящие за которыми не желают слышать и понимать друг друга. Мультипарадигмальность научно-исследовательских практик превращает социальные науки в интеллектуальную «ярмарку идей», когнитивное поле многообразных научных дискурсов, в результате которых социальная реальность растворяется во множестве теоретических конструкторов и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений.

Интеллектуальная ситуация в социальных науках в России обусловлена не только процессами, происходящими в социальных науках в целом, но и теми процессами, которые развернулись в отечественных науках после отмены марксизма. Отмена марксизма принесла российским ученым свободу выбора научных интересов, исследовательской

методологии, научной школы. Исследователи, изучающие состояние социальных наук в современной России, отмечают, что, с одной стороны, эти науки развиваются количественно и качественно, повсеместно – и в Москве, и в регионах [26]. Российские ученые включились в мировой научный дискурс, к ним уже стали применяться международные стандарты научно-исследовательской деятельности. С другой стороны, интеллектуальная свобода принесла ученым в России и новые вызовы, на которые им не всегда удается найти адекватные ответы. В результате общим стало представление о невысоком теоретическом уровне социальных исследований в современной России и низкой конкурентоспособности отечественной научной продукции на внешних интеллектуальных рынках [7, с. 314–339; 39, с. 185–204; 31, с. 3–13].

Во многом это обусловлено теми негативными тенденциями, которые обнаружили в социальных науках в России в конце XX – начале XXI в. В 90-х гг. прошлого века в социальных науках обнаружился дефицит креативности среди ученых, связанных с разработкой новых способов научно-исследовательской деятельности. Этот дефицит сопровождался такими негативными тенденциями: 1) научное трансляторство; 2) идеологическая ангажированность; 3) научное антрепренерство.

Первая тенденция – научное трансляторство – была связана с тем, что многие ученые не смогли стать производителями нового теоретического знания, и поэтому спасительный выход из тупиков марксистской теоретической догматики увидели в некоторых западных научных теориях, которые к тому времени на самом Западе уже превратились в эпистемологические раритеты и были оттеснены на «задний» интеллектуальный план. Отечественные ученые стали трансляторами этих теорий, внедряя их в научно-исследовательскую практику без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы. Обратившись к западноевропейской интеллектуальной традиции, эти ученые сотворили себе новых кумиров из различных представителей академической науки на Западе, чьи теории превратились в интеллектуально-когнитивные моды, выполняющие в научном познании нормативно-принудительную функцию (принцип «не думать, а подражать»).

Наличие интеллектуально-когнитивных мод является характерной чертой интеллектуальной ситуации в социальных науках в России, и это связано с особенностями стиля научного мышления многих отечественных ученых. Характеризуя этот стиль, специалисты отмечают: «Ни у одного народа мы не видим таких специфических особенностей

научного и обычного восприятия, как видим это у нас, русских: мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием нескритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [11, с. 15–16]. Невосприимчивость русского познавательного духа и породила склонность некоторых российских ученых к интеллектуальной подражательности и теоретико-методологическим заимствованиям.

Вторая тенденция – идеологическая ангажированность – была обусловлена тем, что посткоммунистический научный дискурс в современной России утратил топику советского марксизма, но во многом сохранил прагматику и стилистику его интеллектуальной работы [1, с. 64]. В силу этого интеллектуальная ситуация, сложившаяся в социальных науках, характеризуется не столько конкуренцией различных методологических подходов, сколько противостоянием позиций, которые соотносимы прежде всего с «большими идеологиями» – либерализмом, консерватизмом, коммунизмом и национализмом (принцип «не понимать, а верить»). Поэтому картины социальной реальности, создаваемые учеными на основе идеологических концептов, полны предвзятостей и нескритических положений. В результате социальные науки в России превратились не в «отдельные столики», а в «коммунальные квартиры». Научному знанию стали мало доверять, а социальные науки становятся зачастую науками о будущем, опрокинутыми в настоящее.

Третья тенденция – научное антрепренерство – связана со стремлением некоторых ученых братья за любые задачи, предлагать быстрые и плохо продуманные решения, искажать полученные данные в угоду заказчику. Научное антрепренерство часто связано также с «это-сом» государственной сервильности, который начинает определять институциональные каноны научно-исследовательской деятельности. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к научной истине, а удовлетворение запросов со стороны государства и других заказчиков (принцип «знать, чтобы победить»).

Все это свидетельствует о том, что в условиях дефицита креативного научного мышления социальные науки в России находятся в определенной интеллектуальной стагнации, что сопровождается снижением уровня профессиональной культуры и сказывается на качестве научных исследований [19, с. 40–43]. В последнее время появилось поучительное занятие: чтение авторефератов кандидатских диссертаций, вывешенных на сайте в Интернете. Профанация науки, имитация научно-исследовательской деятельности, банальность теоретических

положений, выносимых на защиту, словесная «чепуха» с вкраплениями «ваковских» стандартов – характерные черты определенной части этих авторефератов. Особенно бросается в глаза методологическая беспомощность их авторов, которые, как правило, никогда не учились профессии исследователя.

Вместе с тем в социальных науках в современной России наметились и некоторые эпистемологические прорывы, обусловленные тем, что в академическом сообществе усилилась познавательная потребность в новой целостности социальной реальности [19, с. 48–50]. Одним из таких прорывов является формирование неоклассической модели социального познания, в основе которой лежит критический, реалистско-синтетический стиль научного мышления, связанный с критикой радикально реалистских и номиналистских, объективистских и конструктивистских, социологистских и антропологистских эпистемологических догматов, а также направленный на преодоление односторонних сциентистских и антисциентистских эпистемологических традиций, номотетических и идиографических научно-исследовательских стратегий.

В рамках реалистско-синтетического стиля научного мышления стремление к холизму отчетливо проявилось в представлениях о социальной реальности как определенных, наполненных специфическим социальным смыслом системах и структурах, а также индивидуальных взаимодействиях. В связи с этим в социальном познании актуализировалась проблематика, связанная с изучением социальной жизни. Академическому сообществу, в частности, был предложен теоретический проект под названием «социология жизни», в разработке которого большую роль сыграл Ж.Т. Тощенко [34, с. 106–116; 35, с. 19–36]. Этот проект стал результатом стремления научного разума к целостному изучению социальной реальности, а также когнитивного поворота к постижению повседневных интенций людей в контексте их жизненного мира [15, с. 204–209]. В связи с этим в социологии жизни особое внимание уделяется социальным практикам повседневности. Методологической основой их изучения в рамках неоклассической модели социального познания может быть синтез структуралистско-конструктивистской (П. Бурдьё), структурационистской (Э. Гидденс) и этнометодологической (Г. Гарфинкель) концепций социальных практик, а также концепций фоновых практик Л. Витгенштейна и «раскрывающего» характера социальных практик М. Хайдеггера.

В рамках этого синтеза социальные практики можно рассматривать как репертуары различного рода социальных действий, обусловленных социальными институтами. Это предполагает, во-первых, пре-

одоление в их понимании оппозиций, с одной стороны, объективного и субъективного, с другой – нормативного и деятельностного; во-вторых, требует рассматривать социальные институты, обуславливающие социальные практики, не застывшими, а развивающимися, проходящими в процессе социальных интеракций стадии интернализации и превращения в когнитивные образования, становящиеся в результате экстернализации в основу тех или иных репертуаров социальных действий, которые затем трансформируют институциональную среду, порождая новые социальные институты и, соответственно, новые социальные практики социального взаимодействия [16, с. 106–127; 5, с. 46–53].

Стремление представителей неоклассической модели социального познания к холизму предполагает разработку многомерных методологических конструктов научного исследования, основывающихся, с одной стороны, на разноуровневом и разномасштабном видении социальной реальности, а с другой – на синтезе познавательных установок классической и неклассической моделей социального познания, с учетом всего того рационального, что содержится в постмодернизме, показавшим, насколько специфическими являются те средства, с помощью которых ученый изучает социальную реальность. В связи с этим одной из задач неоклассической модели социального познания является преодоление фрагментарности научного знания путем сближения «отдельных столиков» в социальных науках, сидящие за которыми ученые «имеют свои собственные концепции и собственные уязвимые места» [42, р. 13].

Неоклассическая модель социального познания базируется на особом типе научной рациональности, которая сформировалась в результате синтеза таких когнитивных установок, как стремление к объективно-истинному знанию в классической рациональности и установление зависимости объясняемых характеристик предмета научного исследования от его методологии в неклассической рациональности и дополнения этих установок осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта познавательной деятельности в их соотнесении с социокультурным контекстом. Поэтому специфика неоклассической рациональности заключается в том, что научное мышление в ней выступает не как констатирующее, а как проектно-конструктивное когнитивное действие. Поэтому основу холистского, реалистско-синтетического стиля мышления неоклассической модели социального познания составляет принцип конструктивного реализма.

Представители конструктивного реализма, считая, что между социальной реальностью и взглядами ученых на нее существует определенная связь, обращают внимание на коммуникативную природу со-

циального познания, предполагающую взаимодействие субъектов познавательной деятельности не только с ее предметом, но и в дискурсе друг с другом. При этом они не согласны с постмодернистами в том, что в научном дискурсе отражаются только наши собственные концепты и конструкты, а сама социальная действительность имеет весьма слабый референциальный статус. Преодолевая оппозицию когнитивного объективизма и радикального конструктивизма, неоклассики признают, что в социальном познании немалое значение имеют эпистемологические фильтры, опосредствующие интерпретацию его предмета. В качестве таких фильтров выступают различного рода паттерны, или когнитивные «призмы», сквозь которые исследователи смотрят на социальную реальность в целом или на отдельные ее фрагменты. В исследовательской практике паттерны – это теоретико-методологические предпочтения, позволяющие репрезентовать социальную реальность и презентовать представления о ней самого исследователя.

В связи с этим представители неоклассической модели социального исследования считают, что конструктивистское начало присутствует во всяком процессе познания, и познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует социальную реальность. В этом плане социальное познание можно рассматривать как процесс когнитивного моделирования социальной реальности, в ходе которого создаются такие картины социальной реальности, которые в определенной мере соответствуют ей, но неизбежно несут на себе и «почерк» познающих.

В неоклассической модели социального познания в рамках представлений о его коммуникативной природе были актуализированы проблемы языка научного дискурса и контекстуальности научных исследований. Проблема языка научного дискурса была порождена осознанием того, что в социальных науках в России пока отсутствует научный язык, адекватный для изучения социальных реалий вне западного социокультурного ареала. Российские ученые пользуются преимущественно языком западного академического сообщества, который был «разработан, – как подчеркивают некоторые исследователи, – для изучения принципиально иных институциональных систем, действовавших по иным правилам, нежели мобилизационное и милитаризованное советское общество-государство и многое сохранившая от него постсоветская Россия» [8, с. 6].

Использование научного языка, который сформировался в определенной когнитивной среде при изучении социальных реалий на Западе, затрудняет понимание и объяснение иных социальных реальностей, обусловленных социокультурной спецификой, поскольку «словари и переводы, – как предостерегал П. Фейерабенд, – являются

весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского или от идей, которые нельзя «подогнать под западноевропейский способ мышления» [37, с. 432].

Проблема языка научного дискурса – это также проблема контекстуальности, которая является сегодня одной из актуальных в современной социальной эпистемологии. Принцип контекстуальности означает, что всякое социальное явление необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Поэтому прежний поиск универсальных научных понятий и теоретических конструктов, пригодных при изучении любой страны независимо от ее социокультурного своеобразия, в современной эпистемологии признается методологически несостоятельным и рассматривается как «манящая сциентистская утопия» [29, с. 284–293].

Кроме того, принцип контекстуальности предполагает, что понимание социальной реальности такой, какой она является на «самом деле», требует изучения прежде всего представлений людей об окружающем их социальном мире. Давно уже замечено, что люди живут в той социальной реальности, какой они ее себе представляют, благодаря способности к ее конструированию на основе знаний, получаемых извне, и собственного социального опыта, почерпнутого из социальных практик повседневности, и поэтому «если люди, – согласно теореме У. Томаса, – определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [49, р. 572]. В связи с этим Р. Мертон писал, что «публичные определения ситуации (пророчества и предсказания)» становятся ее неотъемлемой частью и, таким образом, «вливают на последующее развитие ситуации» [23, с. 607].

Представители неоклассической модели социального познания, уставшие от фрагментации научного знания, «жаждут» нового холистского реванша. В связи с этим в последнее время наблюдается активизация концептуального научного мышления как интеллектуальной работы по «схватыванию» смыслов в наиболее сложных случаях постижения социальной реальности и стремящегося тем самым сохранить репрезентативный характер социального познания. В рамках концептуального мышления особое значение придается метафоре, которая, как отмечают исследователи, «строится на основе инвариантной концептуальной системы, образуя в “зазоре” между образами и понятиями новое смысловое пространство, и закрепляет в языке новые динамические смыслы» [4, с. 25–26].

Метафора, организуя социальное познание, становится основой категоризации социальной реальности, выступая средством идентифи-

кации социальных явлений и задавая нужный фокус когнитивного внимания, служит средством их интерпретации. На этом свойстве метафоры основывается когнитивная возможность альтернативного осмысления любого явления социальной реальности, что позволяет «нам мыслить одно и то же в различных ипостасях, не нарушая при этом номинативного тождества слова» [13, с. 128]. Кроме того, метафора, выступая средством социального познания, способна при помощи подвижного семантического смещения «рамки» и «фокуса» продуцировать новые образные модели, на основе которых впоследствии создаются новые теоретические положения [45, 4]. В связи с этим когнитивная функция метафоры в научном познании состоит, как отмечают исследователи, в том, что она, с одной стороны, создает процедуры обработки различных структур знания, а с другой – обеспечивает выход на абстрактный уровень мышления [14, с. 43].

В рамках нового холистского «реванша» в социальных науках в России в последнее время наблюдается актуализация проблематики, связанной с проведением кросс-дисциплинарных научных исследований, к которым обычно относят мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные исследования.

Мультидисциплинарные исследования связаны с решением научных задач в рамках предметного поля определенной науки с помощью методологических конструктов и методов других научных дисциплин. Характерной чертой этих исследований является эпистемический интервенционизм, разрывающий топос дисциплинарности и открывающий двери «золотой клетки» дисциплинарной ограниченности, но не преодолевающий ее [20, с. 84–94]. В связи с этим использование, например, математического аппарата в рамках тех или иных социальных дисциплин является свидетельством не интердисциплинарного, а мультидисциплинарного их характера, поскольку в данном случае речь идет не об интеграции математики с этими дисциплинами, а об использовании математического аппарата в решении их конкретных задач [32].

Интердисциплинарные исследования – это постановка проблем, лежащих на пересечении предметных полей различных научных дисциплин, и решение научных задач, предполагающее разработку нового понятийного аппарата и специальных научных теорий как результата оригинального комбинирования и рекомбинирования существующих идей [46].

Трансдисциплинарные исследования связаны с синкретическим осмыслением результатов различных научно-исследовательских практик на более высоком концептуальном уровне абстракции [44], а также

выходом за пределы собственно научного познания, предполагающим сотрудничество ученых, практиков, управленцев и всех тех, кто заинтересован в разрешении тех или иных социально значимых проблем [47, р. 477–487]. Поэтому взаимовлияние и взаимообогащение знаниями между наукой и обществом являются, как считают исследователи, ключевым принципом, который лежит в основе трансдисциплинарности [40, с. 12].

Таким образом, интеллектуальная ситуация в социальных науках в России, сложившаяся в конце XX – начале XXI в., обусловлена, с одной стороны, публичным, лингвистическим, прагматическим и перформативным поворотом в социальной эпистемологии, переходом от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической, формированием нового типа методологического сознания и мультипарадигмальностью научно-исследовательских практик, а также такими негативными тенденциями в развитии этих наук, как научное транслаторство, идеологическая ангажированность и научное антрепренерство. С другой стороны, интеллектуальная ситуация в социальных науках в России характеризуется когнитивными прорывами, связанными с активизацией концептуального научного мышления, формированием в рамках постнеклассической рациональности неоклассической модели социального познания, развитием мультидисциплинарных, интердисциплинарных и трансдисциплинарных научных исследований.

Литература

1. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005.
2. Буравой М. Социология и неравенство // Социологические исследования. 2015. № 7.
3. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
4. Василькова В.В., Басов Н.В. Интеллектуальный ландшафт: концептуализация метафоры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV, № 4.
5. Воденко К.В., Черных С.С. Институциональные аспекты структуризации гражданской идентичности в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3.

References

1. *Batygin G.S.* «Sotsial'nye uchenye» v usloviikh krizisa: strukturnye izmeneniia v distsiplinarnoi organizatsii i tematicheskom repertuare sotsial'nykh nauk // *Sotsial'nye nauki v postsovetsoi Rossii*. M., 2005.
2. *Buravoi M.* *Sotsiologiia i neravenstvo* // *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2015. № 7.
3. *Burd'e P.* *Prakticheskii smysl*. SPb., 2001.
4. *Vasil'kova V.V., Basov N.V.* *Intel'ktual'nyi landshaft: kontseptualizatsiia metafory* // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2011. T. XIV, № 4.
5. *Vodenko K.V., Chernykh S.S.* *Institutsional'nye aspekty strukturatsii grazhdanskoi identichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve* // *Gumanitarii Iuga Rossii*. 2015. № 3.

6. Горшков М.К. Российская социология: между обществом и властью. Неюбилейные тезисы в связи с юбилеем // Социологические исследования. 2011. № 5.
7. Гудков Л. О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.
8. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.
9. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте эпистемологической легитимации: от автономии фактов к дисциплинарной автономии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 3.
10. Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 3.
11. Иванов В.С. Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности. СПб., 2005.
12. Козлова Л.А. Теоретико-методологическая ситуация в российской социологии: мнения экспертов // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М., 2010.
13. Кураков В.И. От категоризации и концептуализации мира к языковому сознанию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
15. Лубский А.В. Ж.Т. Тощенко. Фантомы российского общества // Вопросы философии. 2015. № 7.
16. Лубский А.В. Методологический конструкт междисциплинарного научного исследования институциональных практик в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой // Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2015.
17. Лубский А.В. Публичные интеллектуалы и политический цинизм // Политическая концептология. 2015. № 2.
6. Gorshkov M.K. Rossiiskaia sotsiologiya: mezhdru obshchestvom i vlast'iu. Neiubileinye tezisy v sviazi s iubileem // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2011. № 5.
7. Gudkov L. O polozhenii sotsial'nykh nauk v Rossii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 77.
8. Gudkov L. Negativnaia identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov. M., 2004.
9. Dudina V.I. Sotsiologicheskoe znanie v kontekste epistemologicheskoi legitimatsii: ot avtonomii faktov k distsiplinarnoi avtonomii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2003. T. VI, № 3.
10. Dudina V.I. Epistemologicheskaiia rekonfiguratsiia sotsial'nogo znaniia: ot reprezentatsii k performativnosti // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2012. T. XV, № 3.
11. Ivanov Vs.N. My na Zapade i na Vostoke. Kul'turno-istoricheskie osnovy russkoi gosudarstvennosti. SPb., 2005.
12. Kozlova L.A. Teoretiko-metodologicheskaiia situatsiia v rossiiskoi sotsiologii: mneniia ekspertov // Teoriia i metodologiia v praktikakh rossiiskikh sotsiologov: postsovetskie transformatsii. M., 2010.
13. Kurakov V.I. Ot kategorizatsii i kontseptualizatsii mira k iazykovomu soznaniuu // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Iazykoznanie. 2006. № 5.
14. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. M., 2008.
15. Lubskii A.V. Zh.T. Toshchenko. Fantomy rossiiskogo obshchestva // Voprosy filosofii. 2015. № 7.
16. Lubskii A.V. Metodologicheskii konstrukt mezhdistsiplinarnogo nauchnogo issledovaniia institutsional'nykh praktik v sfere mezhetnicheskikh otnoshenii v ekonomicheskii razvitykh stranakh so slozhnoi etnokul'turnoi strukturoi // Tsennostnaia politika i institutsional'nye praktiki v sfere mezhetnicheskikh otnoshenii v ekonomicheskii razvitykh stranakh so slozhnoi etnokul'turnoi strukturoi / отв. red. Iu.G. Volkov. Rostov n/D., 2015.
17. Lubskii A.V. PUBLICHNYE INTEKKTUALY I POLITICHESKII TSINIZM // Politicheskaiia kontseptologiia. 2015. № 2.

18. Лубский А.В. Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1.
19. Лубский А.В. Социально-гуманитарные науки в России: интеллектуальная стагнация и когнитивные прорывы // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2.
20. Лубский А.В. Специфика междисциплинарных научных исследований // Перспективы развития социально-экономических и гуманитарных исследований: доклады и выступления участников круглого стола (24 июня 2015 г., Ростов-на-Дону) / отв. Г.Б. Клейнер. Ростов н/Д., 2015.
21. Лубский А.В. Специфика социологического дискурса в России // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9.
22. Медведев В.А. Теоретико-методологические тенденции развития социально-гуманитарного познания // Социологические исследования. 2014. № 9.
23. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
24. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002.
25. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004.
26. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.
27. Подвойский Д. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: http://www.polit.ru/article/2010/04/08/podvoysky_pub_soc/ (дата обращения: 10.11.2011).
28. Полани М. Личностное знание. М., 1985.
29. Розов Н.С. (Не)мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации // Прогнозис. 2007. № 3.
30. Рудяков А.Н. Топоры и тесты. М., 2013.
31. Тихонов А.В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития // Социологические исследования. 2011. № 6.
18. Lubsii A.V. Rossiiskaia sotsiologiia na rubezhe vekov: sostoianie i tendentsii razvitiia // Gumanitarii Iuga Rossii. 2012. № 1.
19. Lubsii A.V. Sotsial'no-gumanitarnye nauki v Rossii: intellektual'naia stagnatsiia i kognitivnye proryvy // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2009. № 2.
20. Lubsii A.V. Spetsifika mezhdistsiplinarykh nauchnykh issledovaniy // Perspektivy razvitiia sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy. Doklady i vystupleniia uchastnikov kruglogo stola (24 iyunia 2015, Rostov-na-Donu) / otv. G.B. Kleiner. Rostov n/D., 2015.
21. Lubsii A.V. Spetsifika sotsiologicheskogo diskursa v Rossii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniia. 2015. № 9.
22. Medvedev V.A. Teoretiko-metodologicheskie tendentsii razvitiia sotsial'no-gumanitarnogo poznaniia // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2014. № 9.
23. Merton R. Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura. M., 2006.
24. Mikeslina L.A. Filosofiiia poznaniia. Polemicheskie glavy. M., 2002.
25. Moren E. Printsipy poznaniia slozhnogo v nauke XXI veka // Vyzov poznaniiu: Strategii razvitiia nauki v sovremennom mire. M., 2004.
26. Pliais Ia.A. Politologiiia v kontekste perekhodnoi epokhi v Rossii. M., 2009.
27. Podvoiskii D. «Publichnaia sotsiologiia» v proshlom i nastoiashchem: utochnenie koordinat [Elektronnyi resurs] // Polit.ru. URL: http://www.polit.ru/article/2010/04/08/podvoysky_pub_soc/ (data obrashheniya: 10.11.2011).
28. Polani M. Lichnostnoe znanie. M., 1985.
29. Rozov N.S. (Ne)mysliashchaia Rossiia: antiteoreticheskii konsensus kak faktor intellektual'noi stagnatsii // Prognosis. 2007. № 3.
30. Rudiakov A.N. Topory i testy. M., 2013.
31. Tikhonov A.V. Otechestvennaia sotsiologiia: problemy vykhoda iz sostoianiia prednauki i perspektivy razvitiia // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2011. № 6.

32. Толстова Ю.Н. «Поиск смыслов» и использование математического аппарата в социологии (ответ на заметку А.А. Давыдова) [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=404 (дата обращения: 10.10.2013).
33. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии. М., 2013.
34. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1.
35. Тощенко Ж.Т. Парадигмы как методологические стратегии в социологии // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1.
36. Фазылова Е.Р. Лингвистический поворот и его роль в трансформации европейского самосознания XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2008.
37. Файерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
38. Федотова В.Г. Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования. 2011. № 11.
39. Филиппов А. Теоретическая социология в России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.
40. Шольц Р.В., Киященко Л., Бажанов В. Введение. Дорожная карта трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М., 2015.
41. Штомпка П. «Позитивистский манифест» // Социологические исследования. 2015. № 2.
42. Almond G. Separate tables: schools and sects in political science // Almond G.A. Discipline divided: schools and sects in political science. Newbury Park; L.; New Delhi, 1990.
43. Dirksmeier P., Helbrecht I. Time, non-representational theory and the «performative turn» – Towards a new methodology in qualitative social research [Электронный ресурс] // Forum: Qualitative Social Research. 2008. Vol. 9, no 2, art. 55. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/385/839> (дата обращения: 10.10.2013).
32. Tolstova Ju.N. «Poisk smyslov» i ispol'zovanie matematicheskogo apparata v sotsiologii (otvet na zametku A.A. Davydova). [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=404 (data obrashheniya: 10.10.2013).
33. Toshchenko Zh.T. Novye tendentsii v razvitii rossiiskoi sotsiologii // Novye idei v sotsiologii. M., 2013.
34. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiya zhizni kak teoreticheskaya kontseptsiiia // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2015. № 1.
35. Toshchenko Zh.T. Paradigmy kak metodologicheskie strategii v sotsiologii // Gumanitarii Iuga Rossii. 2016. № 1.
36. Fazylova E.R. Lingvisticheskii povorot i ego rol' v transformatsii evropeiskogo samosoznaniia XX veka : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Kazan', 2008.
37. Faierabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki. M., 1986.
38. Fedotova V.G. Novye idei v sotsial'noi teorii // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2011. № 11.
39. Filippov A. Teoreticheskaya sotsiologiya v Rossii // Mysliashchaia Rossiia. Kartografiia sovremennykh intellektual'nykh napravlenii. M., 2006.
40. Shol'ts R.V., Kiiashchenko L., Bazhanov V. Vvedenie. Dorozhnaia karta transdistsiplinarnosti // Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy. M., 2015.
41. Shtompka P. «Pozitivistskii manifest» // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2015. № 2.
42. Almond G. Separate tables: schools and sects in political science // Almond G.A. Discipline divided: schools and sects in political science. Newbury Park; L.; New Delhi, 1990.
43. Dirksmeier P., Helbrecht I. Time, non-representational theory and the «performative turn» – Towards a new methodology in qualitative social research [Elektronnyi resurs] // Forum: Qualitative Social Research. 2008. Vol. 9, no 2, art. 55. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/385/839> (data obrashheniya: 10.10.2013).

44. *Judge A.* Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uia.org/uiadocs/aadocnd4.htm> (дата обращения: 10.10.2013).

45. *Martin J., Harre R.* Metaphor in Science // *Metaphor: Problems and Perspectives* / ed. by D.S. Miall. Brington, 1982.

46. *Rhoten D., O'Connor E., Hackett E.J.* The Act of Collaborative Creation and the Art of Integrative Creativity: Originality, Disciplinarity and Interdisciplinarity // *Thesis Eleven*. 2009. No 96.

47. *Scholz R.W., Mieg H.A., Oswald J.* Transdisciplinarity in groundwater management: towards mutual learning of science and society [Электронный ресурс] // *Water, Air, and Soil Pollution*. 2000. Vol. 123 (1–4). URL: https://www1.ethz.ch/uns/people/formerhead/scholzr/publ/UNS_A56.pdf (дата обращения: 10.10.2013).

48. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York, 1999.

49. *Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York, 1928.

44. *Judge A.* Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.uia.org/uiadocs/aadocnd4.htm> (data obrashheniya: 10.10.2013).

45. *Martin J., Harre R.* Metaphor in Science // *Metaphor: Problems and Perspectives* / ed. by D.S. Miall. Brington, 1982.

46. *Rhoten D., O'Connor E., Hackett E.J.* The Act of Collaborative Creation and the Art of Integrative Creativity: Originality, Disciplinarity and Interdisciplinarity // *Thesis Eleven*. 2009. No 96.

47. *Scholz R.W., Mieg H.A., Oswald J.* Transdisciplinarity in groundwater management: towards mutual learning of science and society [Elektronnyi resurs] // *Water, Air, and Soil Pollution*. 2000. Vol. 123 (1–4). URL: https://www1.ethz.ch/uns/people/formerhead/scholzr/publ/UNS_A56.pdf (data obrashheniya: 10.10.2013).

48. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York, 1999.

49. *Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York, 1928.